

СТАНОВЛЕНИЕ НАУЧНЫХ И КУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ АМЕРИКОЙ И РОССИЕЙ

Н. Н. БОЛХОВИТИНОВ

Проблемы советско-американских культурных и научных связей привлекают в наши дни большое внимание. В этом плане представляет интерес история первых таких контактов между нашими странами. Кто стоял у их истоков? Как конкретно происходило их развитие на самых ранних этапах? Ответ на эти вопросы мы и попытаемся дать в ходе последующего изложения.

Говоря о первых научных связях между Россией и Америкой, следует сразу же обратить внимание на выдающуюся роль в их развитии двух величайших ученых своего времени — Б. Франклина и М. В. Ломоносова. Впервые тему Б. Франклина и М. В. Ломоносова поставил А. Н. Радищев в своем бессмертном «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790 г.). Исключительно высоко оценивая М. В. Ломоносова, А. Н. Радищев при сопоставлении его с Б. Франклином (учитывая выдающуюся роль американского ученого в войне США за независимость) отдавал в этом смысле предпочтение последнему. Тем самым он еще раз подчеркивал революционную, антимонархическую направленность всей своей книги. Латинский стих, начертанный под портретом Франклина («Eripuit coelo fulmen scriptumque tyrannis»), великий русский революционер XVIII в. приводил в острой антимонархической форме («Се исторгнувший гром с небеси и скипетр из руки царей», хотя точнее, может быть, было бы сказать из «руки тиранов») и считал это наилестнейшей надписью, «которую человек низ изображения своего зреть может»¹.

Приведенная надпись отражает и огромное значение научных работ Б. Франклина. Его знаменитые «Опыты и наблюдения над электричеством»² сыграли важнейшую роль в развитии науки. В России об опы-

¹ См. А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 1, М.—Л., 1938, стр. 391.

² «Experiments and Observations on Electricity, made at Philadelphia in America by Mr. Benjamin Franklin and Communicated in Several Letters to Mr. P. Collinson, of London, F. R. S.», London, 1751. Более позднее издание «Опытов» было прислано Б. Франклином в Россию с авторской надписью (From the Author). См. также Бениамин Франклин. Опыты и наблюдения над электричеством, М.—Л., 1956.

х Франклина стало известно из сообщения, опубликованного «С.-Петербургскими ведомостями» 12(23) июня 1752 г. Газета писала, что в иладельфии, в Северной Америке г-н Франклин «столь далеко отвалился, что хочет вытягивать из атмосферы тот страшный огонь, который целые земли погубляет», и приводила далее относительно подробнее изложение его опытов, повторенных затем во Франции³.

Известие о «Филадельфийских опытах» попало в России на благоприятную почву. В то время в С.-Петербурге в смежной области плодотворно работал М. В. Ломоносов, а также его ближайший коллега В. Рихман, сконструировавший в 1745 г. «электрический указатель» для измерения величины заряда в наэлектризованном теле. Из сочинений М. В. Ломоносова и Г. В. Рихмана по физике видно, что они высоко ценили работы Б. Франклина по электричеству и неоднократно на них ссылались. В то же время, основываясь на собственных многолетних экспериментах, они усматривали в них некоторые недостатки и, в свою очередь, умело дополняли и развивали идеи Б. Франклина⁴. Многие из их работ в этой области были выполнены еще до опубликования «Филадельфийских опытов» или до того времени, когда они могли с ними познакомиться, и, кроме того, значительно отличались от идей, развивавшихся Б. Франклином.

Отвергая несправедливые возражения по поводу своего знаменитого «Слова о явлениях воздушных, от электрической силы происходящих», М. В. Ломоносов подчеркивал, что им истолкованы «многие явления с громовой силою бывающие, которых у Франклина нет и следу»⁵. Показывая расхождение своей теории северного сияния с «догадкой» Франклина, М. В. Ломоносов отмечал: «Он материю электрическую для произведения северного сияния от жаркого пояса привлечь старается, я—довольно нахожу в самом том месте, то есть эфир, везде присутствующий. Он места ее не определяет; я выше атмосферы полагаю. Он не объясняет, каким она способом производится; я изъясняю понятным образом. Он никакими не утверждает доводами; я, сверх того, истолкованием явлений подтверждаю»⁶. Указывая на отличие своей теории от взглядов американца, М. В. Ломоносов в то же время подчеркивал свое уважение к «славному господину Франклину» и отмечал, что «все сие не того ради здесь прилагается, чтобы я хотел себя ему предпочесть»⁷.

Несколько позже новые идеи о природе электрических явлений изучались и популяризировались в России в сочинениях Ф. У. Т. Эпинуса, установившего связь «электрической силы с магнитною» и широко проводившего количественные расчеты в теории электричества. В своем капитальном трактате «Опыт теории электричества и магнетизма», вышедшем из печати в конце 1759 или самом начале 1760 г., Ф. У. Т. Эпинус неоднократно ссылается на Б. Франклина, а в посвящении своего труда пишет: «Присущая телам сила, которую называют электричеством, открыта лишь недавно и вряд ли уже достаточно исследована... Меня в высшей степени удовлетворяет предложенная Франклином теория этой силы... Однако я пришел к выводу, что мне удалось обнаружить в этой замечательной теории некоторые недостатки; поэтому я приложил усилия к тому, чтобы исправить их и, при помощи этих исправлений так

³ «С.-Петербургские ведомости», 12 (23) июня 1752 г., № 47, стр. 371—372.

⁴ См., напр., опубликованные впервые в 1956 г. работы Г. В. Рихмана: «Разбор сообщений о недавно изобретенном способе отвращать молнию от зданий», «Размышления, утвержденные на опыте, о сходстве искусственного электричества с электричеством естественным, порожденным молнией, и о способе отвращать молнию», «Известие о наблюдениях, имеющих быть произведенными над грозным электричеством...», «Франклиновы опыты» и мн. др. (См. Г. В. Рихман. Труды по физике, М., 1956).

⁵ См. М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. III, Труды по физике, М.—Л., 1952, стр. 15—99, 121—123, а также 147—149.

⁶ Там же, стр. 103.

⁷ Там же, стр. 105.

приспособить эту теорию, чтобы она была приведена к полнейшему согласию с явлениями»⁸. С поставленной задачей ученый справился блестяще. Значение трудов Эпинуса для развития идей Франклина иногда сравнивают даже со значением, которое в XIX в. имели работы Д. Максвелла для развития взглядов М. Фарадея: в обоих случаях опыты и наблюдения гениальных самоучек получили математическую обработку эрудированными профессиональными учеными-физиками⁹.

Нельзя не отметить, наконец, что исключительно высоко ценил работы Франклина по теории электричества Д. А. Голицын, сам опубликовавший интересные труды в этой области. «Г-н Франклин,— писал Д. А. Голицын в работе, напечатанной в трудах Петербургской Академии наук за 1777 г.,— первый нашел, что существуют два вида электричества — положительное... и отрицательное и смог представить этому доказательства»¹⁰. «Будучи одним из самых искренних почитателей» знаменитого американца, Д. А. Голицын счел возможным 28 января 1777 г. обратиться к Б. Франклину с письмом, на что, как он отмечал, давали ему право «любовь к науке и искренний интерес к ее прогрессу». «Кто лучше, чем Вы, милостивый государь, может судить о правдивости идей, к которым я пришел в отношении положительного и отрицательного электричества и силы притяжения...»,— писал Д. А. Голицын и подробно излагал далее свои эксперименты в области атмосферного электричества¹¹. Прямое обращение к Б. Франклину, бывшему в то время представителем восставших колоний в Париже и не получившему еще официального признания даже у французского правительства, нельзя не признать довольно смелым шагом со стороны русского посланника в Гааге. К чести Д. А. Голицына надо сказать, что он не боялся во имя интересов науки пренебречь обычными формальностями, хотя подобная вольность не могла встретить одобрения двора¹².

Приведенные материалы в целом не оставляют сомнений в том, что знаменитые «Филадельфийские опыты» Франклина не только стали уже с середины XVIII в. хорошо известны в России, завоевав самую лестную оценку в научных кругах, но, что особенно важно, получили дальнейшее уточнение и развитие в работах русских ученых, среди которых в первую очередь должны быть названы имена М. В. Ломоносова, Г. В. Рихмана, а также Ф. Эпинуса и Д. А. Голицына. Первый опыт «обмена» в области научных идей между Америкой и Россией оказался, таким образом, необычайно плодотворным.

Вместе с тем возникает вопрос, как относился сам Б. Франклин к работам в области электричества, производившимся в России, и знал ли он о них вообще? Хотя исчерпывающий ответ без привлечения американских архивов дать нельзя, даже опубликованные документы и

⁸ Ф. У. Т. Эпинус. Теория электричества и магнетизма, Л., 1951, стр. 10—11. (Многочисленные ссылки на Б. Франклина см. по указателю, стр. 561).

⁹ М. И. Радовский. Бениамин Франклин и его связи с Россией, М.—Л., 1958, стр. 9. В указанной работе автор приводит значительное число ценных материалов, показывающих большой интерес к Франклину в нашей стране, включая торжественное празднование его юбилея в 1956 г.

¹⁰ «Lettre sur quelques objets d'Electricité adressée à l'Académie Impériale des Sciences de St. Pétersbourg par S. E. Mr. le Prince Dmitry de Gallitzin...». «Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae pro anno MDCCLXXVII. pars posterior». Petropoli MDCCLXXX, стр. 25—28. Цит. по кн. М. И. Радовский. Указ. соч., стр. 16. О работах Д. А. Голицына см. его же. Вопросы прикладной физики в Петербургской Академии наук в XIX веке. «Труды Института истории естествознания и техники», М., 1956, т. 15, стр. 323—326.

¹¹ Д. А. Голицын — Б. Франклину, 28 января 1777 г.; E. Dvoichenko-Marcova. Benjamin Franklin, the American Philosophical Society, and Russian Academy of Science. «Proceedings of the American Philosophical Society» (далее: PAPS), vol. 91, № 3, August 1947, p. 252.

¹² См. Н. Н. Болховитинов. Русская дипломатия и война США за независимость 1775—1783. «Новая и новейшая история», 1964, № 1, стр. 80—81 и др.

уже проведенные исследования позволяют ответить достаточно определенно: Б. Франклин знал о русских работах и высоко их ценил. Как видно из письма Франклина от 13 декабря 1753 г., американский ученый знал о трагической смерти «несчастливого джентльмена в Петербурге», упоминал его имя — профессор Рихман и выражал свое сожаление по поводу случившегося несчастья¹³.

Весьма лестно Б. Франклин отзывался о трудах Ф. Эпинуса уже в 1759 г. и считал, в частности, «хорошо обоснованным» его мнение «о положительном и отрицательном заряде противоположных концов нагретого турмалина»¹⁴. Позднее в письме к своему другу и переводчику французскому ученому Барбе Дюбург от 10 марта 1773 г. Б. Франклин дал исключительно высокую оценку основному труду Ф. Эпинуса по теории электричества и магнетизма. «Сильно намагничивающий аппарат,— писал Б. Франклин,— может намагнитить миллионы стальных брусков, не сообщая им какой-либо части собственного магнетизма, а только приводя в действие магнетизм, который уже существовал в этих брусках. Этой гипотезой, представляющей мне столь же остроумной, сколько и основательной, я обязан главным образом блестящему петербургскому ученому, г-ну Эпинусу. Я говорю «главным образом» потому, что читал его книгу много лет тому назад и оставил ее в Америке; поэтому может случиться, что я что-то в ней добавил или в какой-то мере изменил, и если я что-нибудь представил неправильно, то ошибка должна быть отнесена на мой счет»¹⁵.

Наконец, наибольший интерес представляют сведения, позволяющие предполагать существование прямых контактов Б. Франклина с Ф. Эпинусом, И. Брауном и, что особенно важно, с М. В. Ломоносовым. Впервые их исследовала Е. Двойченко-Маркова в своем интересном докладе о связях Б. Франклина и Американского философского общества с Российской Академией наук в 1947 г., развитом позднее в обстоятельном труде с ценным документальным приложением¹⁶. В качестве доказательства исследовательница ссылается на письмо Э. Стайлеса, ставшего в дальнейшем президентом Йельского колледжа, Б. Франклину от 20 февраля 1765 г.¹⁷ Э. Стайлес написал М. В. Ломоносову относительно термометрических наблюдений (*thermometrical observations*), проводившихся в Бостоне в 1764 г., и просил Б. Франклина переслать это письмо в Россию, ссылаясь на «его (т. е. Франклина.— Н. Б.) петербургскую переписку с Эпинусом и Брауниусом»¹⁸. «Я взял на себя смелость...— писал Э. Стайлес,— просить об ответе через Ваше посредство. Если я слишком свободно воспользовался вашим именем и дружбой, Вы вправе предупредить это злоупотребление. Однако позвольте мне, по крайней мере, просить Вас о получении отчета о полярной экспедиции, если подобная будет осуществлена»¹⁹.

¹³ М. И. Радовский. Указ. соч., стр. 12.

¹⁴ Б. Франклин — У. Хеберден, 7 июня 1759 г.; B. Franklin. Writings of Benjamin Franklin, ed. by A. B. Smyth (далее: F. Franklin. Writings) 10 vls., N. Y., 1907, vol. III, p. 479—482.

¹⁵ Б. Франклин — Б. Дюбург, 10 марта 1773. Ibid., vol. VI, p. 23—26.

¹⁶ Е. Двойченко-Маркова. Op. cit., p. 250—251, 253; idem «The American Philosophical Society and Early Russian—American Relations», PAPS, vol. 94, № 6, Dec. 1950, p. 549—610. Эта последняя работа используется нами в последующем изложении в качестве источника в тех случаях, когда речь идет об Американском философском обществе.

¹⁷ Э. Стайлес — Б. Франклину, 20 февраля 1765 г. B. Franklin. The Works of Benjamin Franklin, ed. by J. Sparks, 10 vls., Boston, 1840 (далее: B. Franklin. Worsk.), vol. VI, p. 250—262. (В более позднюю публикацию Смайта это письмо не было включено).

¹⁸ Э. Стайлес имеет в виду И. А. Брауна (1712—1769).

¹⁹ Речь идет об экспедиции, планировавшейся М. В. Ломоносовым и осуществленной уже после его смерти.

Э. Стайлес отмечал также, что, прочитав в «Annual Register» за 1762 г. отчет о замораживании ртути, осуществленном г-ном Брауниусом в Петербурге с помощью искусственного холода в декабре 1759 г., он попытался повторить некоторые из его опытов²⁰.

Письмо Э. Стайлеса — поистине редкая находка для исследователей: здесь и упоминание о М. В. Ломоносове, свидетельствующее об интересе и уважении к его работам в Америке, и просьба сообщить о планировавшейся в то время по его инициативе русской полярной экспедиции, и указание на «петербургскую переписку» Б. Франклина и, наконец, описание попыток Э. Стайлеса повторить блестящие опыты И. А. Брауна, который первым в мировой науке в 1759 г. добился затвердевания ртути. Не меньший интерес представляет и вложенное в тот же конверт письмо, адресованное Э. Стайлесом «преславному господину Ломоносову, гражданину Петербурга в России и члену Петербургской Академии наук». Любопытный американец обращался к М. В. Ломоносову с просьбой выслать в его адрес или на имя Б. Франклина всю информацию относительно «магнетизма температур, зарегистрированных или выведенных на полярных землях и океанах», а также недостающие ему «сведения о показаниях термометра в некоторых местах Российской империи»²¹.

Обоюдный интерес к проводимым исследованиям, первые эпизодические связи, выразившиеся, в частности, во взаимном знакомстве с исследованиями в области физики, а также с географическими открытиями, подготовили почву для официального контакта между основанным Б. Франклином в 1743 г. Американским философским обществом (American Philosophical Society) в Филадельфии и русской Академией наук в С.-Петербурге в первой половине 70-х годов XVIII в.

В связи с выходом в начале 1771 г. первого тома «Трудов Американского философского общества»²² было решено направить его всем важнейшим иностранным «философским» учреждениям, в списке которых, представленном 22 февраля 1771 г., фигурировало «С.-Петербургское Императорское общество»²³. Из официальной надписи на Трудах видно, что «Американское философское общество, основанное в Филадельфии, искренне желая сотрудничать с Императорским обществом в С.-Петербурге..., просило принять этот том как первый результат своих работ в этом Новом Свете». Труды общества были пересланы Б. Франклину в Лондон для передачи различным европейским научным учреждениям. Удобный случай для связи с Петербургской Академией наук представился летом 1772 г. во время пребывания в Лондоне одного из членов Академии, барона Т. фон Клингштэдта, которому Б. Франклин и вручил экземпляр трудов с личной надписью 31 июля 1772 г. Барон Клингштэдт, хотя и с некоторым опозданием, передал летом 1774 г. этот том в Академию, о чем имеется соответствующая запись в протоколах

²⁰ Следует отметить, что Б. Франклин еще ранее интересовался опытами с замораживанием ртути, проводившимися в С.-Петербурге, и считал их самым выдающимся открытием за последние годы. (См. B. Franklin. Writings, vol. IV, p. 192).

²¹ Э. Стайлес — М. В. Ломоносову 20 февраля 1765. Оpubл. Г. М. Лестер. Знакомство ученых Северной Америки колониального периода с работами М. В. Ломоносова и Петербургской Академии наук. «Вопросы истории естествознания и техники», Вып. 12, 1962, стр. 45—47. Как отмечает Г. М. Лестер, это письмо по всей видимости адресату доставлено не было, т. к. его подлинник находится в коллекции бумаг Франклина в Американском философском обществе. Кроме того, преждевременная смерть М. В. Ломоносова 4(15) апреля 1765 г. полностью исключает возможность своевременного получения им письма из Америки, отправленного не ранее 20 февраля.

²² «Transactions of the American Philosophical Society held at Philadelphia, for promoting of Useful Knowledge», vol. I. From January 1st 1769 to January 1st 1771, Philadelphia, 1771.

²³ PAPS, vol. 94, № 6, Dec. 1950, p. 549.

конференции от 22 августа (2 сентября) 1774 г.²⁴, а сам еще ранее, 15 января 1773 г. по рекомендации Б. Франклина был избран первым членом Американского философского общества от России²⁵.

Позднее в «Академических известиях», вышедших в 1779—1781 гг. «при С.-Петербургской Императорской Академии наук», появился перевод основного содержания «Сочинения ученого Американского общества, учрежденного в Филадельфии для приращения полезных знаний. Том I на 1769 и 1770 год». Среди переведенных материалов читатель находил «рассуждение о физическом состоянии Северной Америки», статью Хью Уиллиамсона о кометах и др.²⁶

Важные научные контакты между Америкой и Россией завязались во второй половине 80-х годов XVIII в. через посредство Екатерины II, Вашингтона, Франклина и Лафайета. Эти контакты явились следствием интереса, который в то время проявляла русская императрица к подготовке сравнительного словаря всех языков мира. Для получения материала из Америки Екатерина II обратилась к Лафайету, который немедленно написал прямо Г. Вашингтону и Б. Франклину. «В приложении я посылаю словник,—писал Лафайет,—который русская императрица просит заполнить индейскими словами. Вы знаете о ее плане всеобщего словаря... Ваши уполномоченные по делам индейцев полковник Хармар и генерал Батлер смогут организовать работу, которую важно выполнить хорошо, т. к. императрица... придает ей большое значение»²⁷. В свою очередь Г. Вашингтон и Б. Франклин, стремясь возможно полнее выполнить эту просьбу, связались с рядом лиц в Соединенных Штатах, способных обеспечить подбор необходимых для Екатерины II материалов²⁸. Уже в апреле 1787 г. Б. Франклин смог возвратить Лафайету вопросник Екатерины II, заполненный «словами на делаварском и шаванезском языках»²⁹. Позднее, в начале 1788 г. аналогичные материалы для Екатерины II направил Г. Вашингтон, выражавший свое сердечное пожелание, чтобы проект императрицы «создать всеобщий словарь увенчался заслуженным успехом»³⁰. Современники и прежде всего сам Г. Вашингтон усматривали в этом деле, и надо сказать не без оснований, важный шаг к сближению между народами. В этой связи нельзя не привести замечательные слова великого основателя американского государства, написанные им в том же самом письме к Лафайету, в котором он пересылал материал о языках индейцев Екатерине II: «Узнать языковую общность,—писал Г. Вашингтон,—означает сделать один шаг в развитии общности народов. Было

²⁴ См. «Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 гг.», т. III (1771—1785), СПб., 1900, стр. 144. В записи отмечалось, что том представлен от Американского философского общества через «знаменитого г-на Франклина» и что секретарю поручено поблагодарить общество за этот дар.

²⁵ PAPS, vol. 94, № 6, 1950, p. 552.

²⁶ «Академические известия» на 1779 г., ч. II, стр. 193, 205 и др. На страницах этого журнала русский читатель систематически находил и много других интересных материалов, относящихся к Америке. (См. «Перечень истории Америки, сочиненный г. Робертсоном...», пер. с фр., «Академические известия», 1779, ч. III, стр. 267, 391; 1780, ч. IV, стр. 19, 185; П. Богд[анович]. О Америке, там же, 1781, ч. VII, стр. 225, 363, 528; 1781, ч. VIII, стр. 646, 784, 934; «Описание стран войною обьятых», там же, ч. VII, 244 и др.).

²⁷ Лафайет — Б. Франклину, 10 февраля 1786 г. B. Franklin. Works, vol. X, p. 248.

²⁸ Помимо упомянутых Хармара и Батлера, это были уполномоченный США по делам южных индейцев, а затем член конгресса от Северной Каролины Хаукинс, географ Хатчинс и др. См., в частности, Г. Вашингтон — Т. Хатчинсу, 20 августа 1786 (G. Washington. Writings, vol. 28, p. 525); Г. Вашингтон — Р. Батлеру, 27 ноября 1786 (Ibid., vol. 29, p. 88—90) и т. д.

²⁹ Б. Франклин — Лафайету, 17 апреля 1787 г. B. Franklin. Works, vol. X, p. 299.

³⁰ Г. Вашингтон — Лафайету, 10 января 1787 г. G. Washington. Writings, vol. 29, p. 374.

бы хорошо, чтобы гармония между народами стала бы целью, самой близкой сердцам монархов, и чтобы стремление к миру (чему не в последнюю очередь способствует торговля и возможность понимать друг друга) возрастало бы с каждым днем. Если настоящие или какие-либо другие мои действия с целью обеспечить информацию о различных диалектах коренных жителей в Америке прольют хоть один луч света на запутанный вопрос о языке в целом, я буду в высшей степени удовлетворен»³¹. Г. Вашингтон выражал далее желание, чтобы «настоящий план великого северного монарха мог бы в какой-то мере положить основание ассимиляции языка, которая в свою очередь приведет к ассимиляции обычаев и интересов, что когда-нибудь устранил многие причины вражды среди человечества»³².

Эти мечты в то время носили отвлеченный характер, но тем не менее первый практический шаг, осуществленный при ближайшем участии Б. Франклина и Г. Вашингтона, не пропал даром для развития языкознания как в России, так и в Америке. Материалы, полученные из Соединенных Штатов, были частично использованы для второго издания всеобщего сравнительного словаря, который в свою очередь оказал затем известное влияние на филологические исследования в Соединенных Штатах³³. Уже собирая материалы для Екатерины II, американцы оказались тем самым вовлеченными в сравнительное изучение индейских языков. Позднее по образцу русского словаря в Америке подготовили словари различных индейских племен Б. С. Бартон, Геквелдер, Т. Шултц и некоторые др. Оригинальные данные приводит в этой связи Е. Двойченко-Маркова. Опубликованные ею документы и в первую очередь переписка известного американского филолога П. С. Дю Понсо со своим коллегой в России Ф. Аделунгом, завязавшаяся в 1817 г., представляет значительный интерес³⁴. Хотя эта переписка хронологически несколько выходит за рамки настоящей работы, нельзя не привести небольшой отрывок из письма П. С. Дю Понсо от 16 декабря 1817 г.: «Недавнее общее умиротворение предоставляет миру возможность заняться без помех науками и ремеслами, которые объединяют человечество; широкие взгляды Вашего августейшего государя и огромный прогресс, который Ваша страна сделала во всех областях науки,— все это указывает, что иностранная держава может стать для нас источником, из которого наш труд получит значительную помощь, разрешите поэтому нам через Ваше посредство начать объединять два полушария, в общих усилиях способствовать развитию Науки, необходимости чего равным образом ощущается образованными людьми Вашей страны и нашими собственными учеными»³⁵.

При рассмотрении русско-американских научных и культурных связей в 80—90-е годы XVIII в. нельзя не обратить внимание на переписку и личное знакомство Б. Франклина с княгиней Е. Р. Дашковой,

³¹ Ibid., p. 374—375.

³² Ibid., p. 375.

³³ «Словарь всех языков и наречий по азбучному порядку расположенный», т. I—IV, С.-Петербург, 1790—1791. Летом 1812 г. это издание было подарено русским посланником в США А. Я. Дашковым Американскому философскому обществу. Позднее по специальной просьбе из Америки Ф. Аделунг переслал обществу первое издание словаря, осуществленное П. С. Палласом в 1787—1789 гг. *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa, augustissima cura collection, Petrop. 1787—1789. PAPS, vol. 94, № 6, 1950, p. 563, 583, 588*. Отметим также, что словарем Палласа интересовался американский посланник в С.-Петербурге Д. К. Адамс, беседовавший в апреле 1810 г. по этому поводу с членом Петербургской Академии Тилеусом (См. «Memoirs of John Quincy Adams», 12 vls, Philadelphia, 1874—1877, vol. II, p. 155).

³⁴ PAPS, vol. 94, № 6, 1950, p. 561—563, 584—589. Как видно из переписки, сам Дю Понсо очень высоко оценивал *Vocabularium Comparativum* Палласа и использовал сравнительный метод в своих исследованиях языков американских индейцев.

³⁵ П. С. Дю Понсо — Ф. Аделунгу, 16 декабря 1817 г. PAPS, vol. 94, № 6, 1950, p. 584.

являвшейся директором Петербургской Академии наук в 1783—1796 гг. и президентом основанной по ее инициативе в 1783 г., для разработки русского языка, специальной Российской Академии. Первый обмен письмами и встреча Б. Франклина с Е. Р. Дашковой имели место в Париже зимой 1781 г.³⁶ Позднее Б. Франклин прислал Е. Р. Дашковой второй том «Трудов Американского философского общества», в связи с чем она выражала ему благодарность письмом от 30 августа 1788 г.³⁷ 17 апреля 1789 г. по предложению Б. Франклина Е. Р. Дашкова была единогласно избрана членом Американского философского общества и 15 мая ей был послан соответствующий диплом. «Стремясь способствовать интересам Общества привлечением к нему выдающихся ученых,— указывалось в дипломе,— избрали г-жу княгиню Дашкову, президента Императорской Академии наук в С.-Петербурге, членом упомянутого философского общества...»³⁸. Е. Р. Дашкова стала первой женщиной и вторым русским членом в Американском философском обществе. 18(29) августа 1791 г. об избрании Дашковой сообщил А. Ю. Крафт, представив академической конференции копию диплома, «подписанного собственноручно знаменитым д-ром Франклином», как «свидетельство лестной и высокой оценки литературных заслуг княгини со стороны самых отдаленных научных учреждений»³⁹. Касаясь обстоятельств своего избрания, сама Е. Р. Дашкова писала в своих воспоминаниях: «Движимый дружбой и уважением ко мне, он (речь шла о Франклине.— Н. Б.) предложил избрать меня в члены этого уважаемого и уже знаменитого Филадельфийского философского общества, куда я была избрана единогласно; я уже получила диплом, и с того времени Общество не упускало случая посылать мне издаваемые им работы»⁴⁰.

Е. Р. Дашкова поддерживала более или менее регулярные контакты не только с Философским обществом, но также с отдельными американскими учеными, в частности, физиком Д. Черчмэном и «отцом американских инженеров» Д. Уильямсом⁴¹. Значительный интерес представляет, в частности, письмо Е. Р. Дашковой Д. Уильямсу от 21 февраля (4 марта) 1793 г. относительно открытия использования термометра в мореплавании. Княгиня была столь высокого мнения о присланном ей «Мемуаре об использовании термометра в мореплавании», что направила экземпляры этого труда в морское ведомство, Академию наук, распорядилась о его переводе на русский язык⁴².

В целом, как мы видим, связи с американской научной общественностью развивались через посредство Е. Р. Дашковой довольно успешно. Пополнялось и число русских членов Американского философского общества: в 1791 г. в состав общества были избраны профессор естественной истории в Митаве Д. Г. Гроше и видный естествоиспытатель, член Петербургской Академии наук П. С. Паллас. В число первых рус-

³⁶ См. E. Dvoichenko-Marcova. Op. cit. PAPS, vol. 91, № 3, 1947, p. 254; B. Franklin. Writings, vol. X, p. 346.

³⁷ PAPS, vol. 94, № 6, 1950, p. 555. В 1792 г. отрывок из этих трудов под заглавием «Известия о Северной Америке» был опубликован в русском переводе. См. «Новые ежемесячные сочинения», 1792, 67, стр. 10—24; 68, стр. 16—28.

³⁸ Архив АН СССР, ф. 1, оп. 2, 1791, д. 6, л. 8.

³⁹ «Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 г.», т. IV, 1786—1803, СПб., 1911, стр. 269—270.

⁴⁰ Бумаги княгини Е. Р. Дашковой (урожденной графини Воронцовой), «Архив кн. Воронцова», кн. 21. М., 1881, стр. 286.

⁴¹ Благодаря за избрание в члены Философского общества, Е. Р. Дашкова в письме от 20(31) августа 1791 г. выражала готовность предоставить «любую информацию» о естественной истории и производстве Российской империи и одновременно пересылала книги для библиотеки общества. См. PAPS, vol. 94, № 6, 1950, p. 557. Ответное письмо общества Е. Р. Дашковой от 18(29) августа 1792 г. (Ibid., p. 583). Весьма высокого мнения Е. Р. Дашкова придерживалась о «Магнитном атласе» Д. Черчмэна, который по ее предложению в январе 1795 г. был избран иностранным членом Петербургской Академии наук (Ibid., p. 557—558).

⁴² Ibid., p. 558.

ских членов Американского философского общества попадали преимущественно ученые немецкого происхождения. Переехав в Россию, немецкие профессора сохранили свои обширные международные связи, и именно через их посредство на Западе судили о состоянии русской науки. Среди приехавших в Россию профессоров были действительно выдающиеся ученые — достаточно вспомнить Леонарда Эйлера (1707—1783 гг.), но встречались (к сожалению, в немалом числе) люди заурядные, посредственные, а иногда и просто случайные. И как это часто бывает, в состав Американского философского общества оказались избранными далеко не самые видные ученые. Из числа его первых членов лишь П. С. Паллас оставил более или менее заметный след в истории науки⁴³. Что же касается, скажем, барона Клингштэда, то своим избранием он обязан, по-видимому, в основном знакомству с Б. Франклином. Но сам факт избрания русских членов свидетельствовал об уважении Американского философского общества к научным достижениям в России и о желании развивать связи с Петербургской Академией наук.

Следует также особо отметить, что другое научное учреждение Америки — «Академия искусств и наук» в Бостоне уже в самом начале своего существования сделало прекрасный выбор, остановив внимание на Леонарде Эйлере. Избрание Л. Эйлера до сих пор практически оставалось почти неизвестным. Между тем в протоколах конференции Петербургской Академии наук сохранилась запись от 28 февраля (11 марта) 1782 г., которая не оставляет каких-либо сомнений на этот счет. Судя по письму от 1 июня 1781 г., подписанному секретарем по связи Джозефом Уиллардом (Joseph Willard), это только что образованное общество «избрало г-на Эйлера-отца в число своих членов и просило его передать и огласить в Императорской Академии наук свой устав, изложенный в печатном листке, озаглавленном: Акт основания и учреждения Общества для содействия и поощрения искусств и наук»⁴⁴. К сожалению, в архиве АН СССР не удалось найти каких-либо дополнительных материалов, относящихся к этому избранию и связям общества с Петербургской Академией наук. Зато ряд интересных документов в архиве «Американской академии искусств и наук» в Бостоне выявила Е. Двойченко-Маркова. Из опубликованной ею недавно заметки видно, что первые контакты Бостонской академии с Россией (в частности, обмен научными изданиями) развивались довольно успешно, и в 1812 г. они были закреплены избранием в ее состав таких известных ученых, как Г. Фишер, Н. Фусс и Ф. Шуберт⁴⁵.

Не менее удачным оказался выбор первого американского ученого, удостоившегося чести войти в число иностранных членов Петербургской Академии наук. Им был Б. Франклин. Как записано в протоколе конференции от 2(13) ноября 1789 г., княгиня Дашкова, разбирая бумаги Академии, «с удивлением обнаружила, что знаменитый Франклин не числится среди иностранных членов». «Его кандидатура по предложению ее светлости была поставлена на голосование, после чего этот уважаемый и знаменитый ученый получил все утвердительные голоса и был избран единогласно»⁴⁶. Пересылая Б. Франклину диплом об из-

⁴³ О П. Палласе (1741—1811) см. «Люди русской науки», М., 1963, стр. 34—44.

⁴⁴ «Протоколы заседаний конференции Императорской Академии наук с 1725 по 1803 гг.», т. III, СПб., 1900, стр. 577.

⁴⁵ E. Dvoichenko-Markova. The Russian Members of the American Academy of Arts and Sciences. «PAPS», vol. 109, N 1, 1965, pp. 53—56. Следует отметить, что в качестве даты избрания Л. Эйлера в заметке называется 30 января 1782 г. Между тем, судя по приводившейся выше записи в протоколах конференции Петербургской Академии, это событие относится к более раннему времени.

⁴⁶ «Протоколы заседаний конференций...», т. IV, СПб., 1911, стр. 204. Об избрании Б. Франклина см. также «Nova Acta Academiae Scientiarum Imperialis Petropolitanae», 1789, p. 8; см. также: B. Franklin. Worsk, vol. X, p. 405—406.

брании его иностранным членом Петербургской Академии наук, «непременный секретарь академических конференций» И. А. Эйлер с полным основанием писал, что хотя Академия «одной из последних оказала этот официальный знак своего уважения, она уже более четверти века не переставала восхищаться его редкими заслугами, более чем какого-либо другого академика»⁴⁷.

Говоря об избрании Б. Франклина в Петербургскую Академию наук, следует подчеркнуть, что оно отражало не только уважение к научным заслугам великого американца, но было также признанием его широкой политической, общественной и литературной деятельности. Б. Франклин стал первым американским автором, произведения которого были переведены на русский язык⁴⁸. Особой популярностью в России пользовался известный «Альманах бедного Ричарда» (или Рихарда, как его именовали в русской печати), впервые опубликованный в 1784 г. и много раз переиздававшийся в различных вариантах⁴⁹.

Впервые Б. Франклин начал публиковать свой альманах еще в 1732 г. под псевдонимом Ричарда Саундерса. Промежутки между знаменательными датами в календаре он заполнял «краткими изречениями и поговорками, направленными главным образом на внедрение трудолюбия и бережливости». По словам Б. Франклина, «человеку, находящемуся в нужде, труднее поступать всегда честно»; как гласит одна из этих поговорок, «пустому мешку нелегко стоять прямо». «Эти поговорки,—писал Б. Франклин в своей автобиографии,—содержащие мудрость многих поколений и народов, я собрал и оформил в виде последовательного рассуждения, предпосланного Альманаху 1757 года в форме речи мудрого старика к посетителям аукциона»⁵⁰. Ясные, простые и меткие поговорки отражали идеалы поднимающейся буржуазии и пользовались в то время огромным успехом. В Америке и в Европе выходили все новые и новые издания альманаха, ставшего настольной книгой третьего сословия. В «авторском предуведомлении» к московскому изданию «Науки Рихарда» 1791 г. указывалось на необходимость «распространить верные начала для мудрого поведения себя во время течения жизни и внушить вкус к гражданским и нравственным добро-

⁴⁷ И. А. Эйлер — Б. Франклину, ноябрь 1789 г. Архив АН СССР, ф. 1, оп. 3, № 83, л. 2. Научная литература, в том числе даже специальная, не свободна от ошибок в вопросе об обстоятельствах избрания Б. Франклина. Например, М. Лазерсон отправной датой своей специальной монографии по истории русско-американских отношений, вышедшей в Нью-Йорке двумя изданиями, взял 1784 г. на том основании, что именно в этом году Бенджамин Франклин был будто бы «избран почетным членом Императорской Академии наук в С.-Петербурге» (М. Laserson. *The American Impact on Russia, 1784—1917*, New York, 1950, p. VII; М. Laserson. *Op. cit.*, G. Y., 1962, p. 7).

⁴⁸ См. об этом также А. Старцев. Франклин и русское общество XVIII в.). «Интернациональная литература», 1940, кн. 3—4.

⁴⁹ «Ученые добродушного Рихарда». В С.-Петербурге печатано в вольной типографии у Карла Шнора 1784 года. Еще ранее, 4(15) июня 1778 г. в «С.-Петербургских еженедельных сочинениях» появился отрывок в переводе с французского издания «La Science du Bonhomme Richard». В периодической печати время от времени появлялись и другие отрывки из работ Б. Франклина. В феврале 1778 г. в начинавшем издаваться журнале Г. Л. Брайко «С.-Петербургский вестник» было опубликовано изложение отрывков из письма Б. Франклина мисс Стивенсон под заглавием «О цветах платья (из письма господина Франклина)», а в июне 1780 г. в том же журнале появилась составленная Б. Франклином эпитафия (см. «С.-Петербургский вестник», ч. VI, стр. 38). Наконец, хотелось бы обратить внимание, что еще в марте 1776 г. была опубликована «Выписка из писем некоторого филадельфийского жителя к своему приятелю Барбе ди Бург в Париже», в которой расхваливалось гражданское правление в Америке, где все идет «по естественному порядку». В «законах и правах» Пенсильвании, по словам автора, господствует «простота, каковой в истории еще примера не было» и т. д. (См. «Собрание разных сочинений и новостей», 1776, март, стр. 14—15). Едва ли приходится сомневаться, что «некоторым филадельфийским жителем» был, по всей видимости, Б. Франклин. Французский ученый Барбе Дюбург — большой друг и переводчик великого американца, содержание же выписки вполне согласуется с взглядами Б. Франклина.

⁵⁰ Б. Франклин. Избр. произв., М., 1956, стр. 493.

детелям тому драгоценному классу людей, без которых мы почти во всем имели недостаток»⁵¹.

Большой популярностью в России пользовалось другое известное сочинение Б. Франклина — его автобиография, вышедшая в свет во французском переводе в 1791 г.⁵² Показательно, что эта книга сразу же получила живой отклик в России со стороны одного из наиболее видных литераторов того времени Н. М. Карамзина, писавшего в специальной рецензии в издававшемся им «Московском журнале»: «Всякий, читая сию примечания достойную книгу, будет удивляться чудесному сплетению судьбы человеческой. Франклин, который бродил в Филадельфии по улицам в худом кафтане, без денег, без знакомых, не зная ничего, кроме английского языка и бедного типографского ремесла — сей Франклин через несколько лет сделался известен и почтен в двух частях света, смирил гордость британцев, даровал вольность почти всей Америке и великими открытиями обогатил науку»⁵³. Спустя несколько лет характерный «Отрывок из записок Франклина», посвященный различным моральным добродетелям и распорядку дня, был опубликован в журнале «Приятное и полезное препровождение времени» и получил широкую известность в различных кругах русского общества⁵⁴.

Первые собрания некоторых сочинений Б. Франклина появляются в России в конце XVIII — начале XIX в. В 1799 г. А. Тургенев перевел «Отрывок из записок Франклиновых с присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений», а в 1803 г. в типографии Бекетова вышло другое, еще более ценное собрание его сочинений⁵⁵.

Хотя эти первые небольшие собрания не могли, понятно, сколько-нибудь полно отразить все богатство и разнообразие литературного, политического и научного наследства знаменитого американца, в них все же вошел целый ряд значительных его произведений. Мы находим здесь некоторые любопытные морально-философские притчи (среди них, в частности, притчу о нравственности шахматной игры, развивающей принцип разумного эгоизма), известные высказывания о войне, направленные против реакционных, захватнических войн в защиту деятельности земледельцев, купцов и т. д., «Замечания о диких Северной Америки»⁵⁶, содержавшие интересный анализ жизни и быта индейцев и т. п. Значительная часть вошедших в собрание 1803 г. произведений, прежде всего «Дорога к счастью, или наука добродушного Рихарда» и отрывки из автобиографии Б. Франклина, были уже известны русскому читателю. С другой стороны, с некоторыми работами он знакомился впервые. Среди последних заслуживал внимания, в частности, «Ответ от Вениамина Франклина лорду Гове» от 30 июня 1776 г., в котором

⁵¹ «Как благополучно век прожить, наука доброго человека Рихарда», М., 1791.

⁵² «Memoires de la vie privée de Benjamin Franklin écrit par lui même, et adresses à son fils», 1791.

⁵³ «Московский журнал», ч. IV, 1791, VIII. Об иностранных книгах, стр. 355. Н. М. Карамзин продолжал интересоваться сочинениями Б. Франклина и в дальнейшем. В 1798 г. в издававшемся им «Пантеоне иностранной словесности» (кн. III, стр. 221—235) он поместил несколько морально-философских притчей Франклина. (См. также Н. Карамзин. Переводы, т. 8, СПб., 1835, стр. 143, 145, 148).

⁵⁴ «Отрывок из записок Франклина, писанных им самим». «Приятное и полезное препровождение времени», ч. XX, М., 1798, стр. 3—23. См. также Отрывок из Франклиновых записок. «Собрание разных сочинений Вениамина Франклина», М., 1803, стр. 165—191.

⁵⁵ «Отрывок из записок Франклиновых с присовокуплением краткого описания его жизни и некоторых его сочинений». Пер. с фр. А. Т., Москва, в университетской типографии, 1799; «Собрание разных сочинений Вениамина Франклина». Пер. с фр., Москва, 1803. Об издании работ Франклина в России см. также М. И. Радовский. Указ. соч., стр. 46—55.

⁵⁶ «Собрание разных сочинений Вениамина Франклина», стр. 22—30, 81—85, 86—102.

доказывалась невозможность для восставших колонистов покориться метрополии. Б. Франклин сравнивал Британскую империю с «фарфоровой вазой», которая, однажды раздробившись, уже не может затем вновь стать прочной, и называл действия Англии «войной несправедливой и вместе безумной»⁵⁷.

Произведения Б. Франклина печатались не только на страницах столичных московских и Санкт-Петербургских изданий. Уже в 1786 г. в первом русском провинциальном журнале «Уединенный Пошехонец», выходившем в Ярославле, было опубликовано «Аллегорическое и философическое письмо от г. Франклина к г-же Б... писанное на английском языке, а переведенное с французского»⁵⁸. Это было небольшое, но очень яркое и остроумное произведение («The Ephemera; an Emblem of Human Life»), адресованное Б. Франклином в 1778 г. г-же Брильон⁵⁹. В русских изданиях оно именовалось так же как «Разговор Эфемеров и монолог одного старого насекомого». Окрашенное в несколько необычный для его автора философски пессимистический тон, письмо касалось смысла человеческого существования, что иллюстрировалось на примере насекомых — «эфемеров», продолжительность жизни которых составляет всего лишь несколько часов. Для оптимиста Франклина картина гибели цивилизации, нарисованная старым «эфемером», казалась, видимо, слишком мрачной, и он не удержался, чтобы не выразить некоторого удовлетворения по поводу своей жизни и трудов, цель которых в «беспрестанном желании быть полезным для других»⁶⁰.

Со времени войны США за независимость в русской печати утвердилось самое высокое мнение о руководителях молодой республики, отстаивавшей свою свободу в борьбе против могущественной метрополии. Это мнение не изменилось и позднее, в 90-е годы XVIII в., в период крайней реакции, усиливавшейся страхом перед французской революцией. Характерно, в частности, что в 1790 г. Т. Воскресенский опубликовал в Тобольске речь Кондорсе, в которой содержалась исключительно высокая оценка заслуг Б. Франклина и Л. Эйлера⁶¹ (хотя имена этих двух ученых не назывались, текст речи не оставлял ни малейших сомнений в том, кого имеет в виду автор).

В следующем, 1791 г., в «Московском журнале» можно было прочитать известное стихотворение Н. М. Карамзина «К текущему столетию», в котором давалась оценка основных достижений приближавшегося к концу XVIII в.⁶² Среди немногих лиц, составляющих, по его мнению, гордость «текущего столетия», Н. М. Карамзин называет имена Франклина и Вашингтона. Этим он хорошо выразил то, о чем думали в России многие его современники.

⁵⁷ Там же, стр. 116.

⁵⁸ «Уединенный Пошехонец», 1786, сентябрь, ч. II, стр. 552—557.

⁵⁹ См. B. Franklin. Works, vol. II, p. 177. Об обстоятельствах написания этого сочинения см. Ibid., vol. VIII, p. 473.

⁶⁰ «Собрание разных сочинений Вениамина Франклина», стр. 36.

⁶¹ «Иртыш, превращающийся в Ипокрену», 1790, февраль, стр. 56—57.

⁶² «Московский журнал», 1791, ч. II, стр. 218.